

АЛЕКСАНДРА АЛЫДАРОВА

ДОРОГА В ШКОЛУ

Солнце всходит за горой,
Луч играет золотой,
Всё вокруг пронзая светом,
Тёплым дружеским приветом.
Забавляясь, у калитки
Пёс меня лобзает прыткий.
Птицы весело поют,
За собой в полёт зовут.
Впереди домов каскады,
Невысокой крыши скаты.

А до школы долог путь.
Если б вы могли взглянуть!
Он лежит сквозь всё село.
Всем когда-то не везло:
Вдруг о камень на тропинке
Больно бьюсь носком ботинка,
Злая в глаз летит пылинка,
А из глаз текут слезинки,
Прямо падаю я в пыль...
Вы поверьте — это было.

До крови поранив ногу,
Чуть хромая, вновь дорогу
Продолжаю. Здесь руины
Старой мельницы Мадины,
Дальше Сухалай стоит,
Он с соседом говорит;
За углом дымит пекарня,
На холме видна овчарня,
А за нею поворот,
Справа — чей-то огород.

Тот, кто видел то селенье,
Кто горянок слышал пенье,
Тот издаст восторга стон;
Скажет: то не явь, а сон.
А ручьи прохладной влаги,
А глубокие овраги...
В небе звёзды аж с арбуз!
Освещают наш улус.
Ну, а месяц, как козлёнок, —
Он большой луны ребёнок.

А в теснине переулка,
Там, где сплетни бродят гулко,
Собрались старушки в ряд,
Обсуждая всех подряд:
Кто на ком когда женился,
В чьей семье сынок родился,
Кто и чью засватал дочь,
Кто к кому стучался в ночь...
Ах, уж эти мне старушки —
Неуёмные болтушки!

Но тем временем я в школе.
Буду взрослою я вскоре.
Надоела школа мне;
Я и в школе, и в семье
Всем чужая, но со мною
Сплетены одной судьбою
Пушкин, Лермонтов, Кольцов,
Байрон, Гумилёв, Рубцов;
Свято мне поэтов имя,
И утешена я ими.

Подмосковье

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

* * *

Ты идёшь, ты не плачешь,
Отчуждённо идёшь,
В узелке передачу —
Свое горе несёшь.

Узелок небогатый,
В нём два хлеба и три
Поллитровые банки
Кабачковой икры.

Ты идёшь сквозь метели,
Равнодушия лёд.
Сквозь гремучие двери
Перекрытых свобод.

Сквозь железные прутья
Проливного дождя,
А спешащие люди
Всё толкают тебя.
Мир, кого ты толкаешь?
Фонарями слепя,
Сам с собою играешь,
Сам толкаешь себя.

Но прольётся, как средство,
Как спасенье от бед —
Материнского сердца
Всепрощающий свет!

* * *

Когда сижу один в глухой квартире,
Припоминаю: где мои друзья?
Они, наверно, ходят где-то в мире
И держатся за ветви бытия.

И, может быть, какой-нибудь из них
Сидит сейчас, как я, один в квартире,
И помнит лишь меня среди других,
И помнит, и зовёт в оглохшем мире...

* * *

Короткая во всей вселенной тень!
Сигнал — чтоб гнать коров на дойку.
Свистят, как пули, оводы сквозь день,
Стреляет кнут провористо и бойко.

Пыль красная завесит жизнь мою,
Иду, ликующий, спешу за жарким стадом,
В себе, как в опере, от радости пою,
О том, что рядом всё идёт и ладом.

Ни туч, ни облачка во всей вселенной нет.
Коровы шествуют, покачиваясь сыто,
Очами крупными поводят сановито —
Ведь в стойлах пойло ждёт их на десерт.

Хозяйки добрые бурёнок разберут,
Впуская их в прохладные застенки,
А я раздет до пояса, разут,
Шумящий и разлапистый, как ветки.

Прохладная, как вечер дней глухих,
Меня постель проглотит сеновала.
Мой дух мальчишеский, он до поры притих,
Помалкивает смирно, вполнакала.

Я знал, что счастье у нас в роду, в крови!
А беды русские — ошибка и детали...
И я читаю книги о любви,
Которую мне предки преподали...

г. Москва

ВИКТОР СУХАРЕВ

СОХАТЫЙ

Мой командир, когда я был курсантом,
Вот уж кто мог плевать на докторов.
Да и как человек... Он был талантом,
Мой ротный — Юрий Дмитрич Горбунов.

Была в нём та отцовская усмешка,
И эта воля в красоте лица...
Жизнь, она что? Она орёл да решка.
А мы его любили, как отца,

За этот шаг... За твёрдо-угловатый,
Которым он землю мерил так,
Что звали мы тогда его Сохатым,
За то, что был надёжен этот шаг.

В нём не было сомнений “или-или”.
Я помню в парке городском тот факт,
Что трое ему что-то предъявили,
Но улеглись все трое на асфальт.

У нас у всех, у всех своя дорога!
Да было-то вначале, что никак...
А он сказал: “Давай ещё немного.
Давай ещё! И будешь мне земляк”.

Сказали мне, что он погиб в Афгане.
Но всякий раз, когда уже никак,
Я будто слышу где-то за снегами:
“Давай ещё... И будешь мне земляк”.

КРОВЬ

Какой пилой там древо ни пили,
А если есть в нём корни-обереги,
То рано или поздно от земли
На белый свет поднимутся побег.

Так в том и на семь бед один ответ...
Да как-то раз один весёлый парень
Мне вдруг сказал, что русских больше нет,
Да и в моей крови живёт татарин.

Татарин, говоришь? Да пусть живёт.
Я русс... А это, брат, такое слово,
Что в генах наших всё перекуёт.
Да то не кровь... То Поле Куликово.

То в нас не кровь... То в нас забытый путь.
Пойми, в нас живы миллионы россов!
Да, то не кровь... То азбучная суть,
Где в каждой капле Блок и Ломоносов!

Ну, что молчишь? Скажи, что я не прав.
Нет, брат, я не надломленная ветка...
Я православен, ибо... славлю Правь —
Духовный след неведомого предка.

ОСЕНЬ. ТУМАН. РОССИЯ

Осень. Туман. Россия...
Где, я никак не пойму,
Видел я этот осенний
Лес в предрассветном дыму?

Иней на срубе колодца
Вспыхнет осколком звезды...
Лодка под берегом жмётся
К краю студёной воды.

Чьи-то следы на дороге.
Ставни забиты доской...
И ни беды, ни тревоги
Нет в тишине колдовской.

Пусть мимолётно прозреньё,
Лету вернувшее вспять...
Кто я? И что за везенье —
Здесь воплотиться опять?..

Подмосковье

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

* * *

Улыбаясь, рубаху мне выжми —
Я устал, перегрелся и взмок.
Все полудни царит солнцепёк,
И мне спрятаться хочется в пижме
Или скрыться в неубранный стог.

Посмотри: я в дорожной пылище,
Ты с лица всё налипшее сдунь.
Пусть останется вещей июнь,
На двоих полевое жилище
И парящий над злаками лунь.

Ты меня зазываешь неловко,
Пропадаешь во тьме шалаша,
И чувствительно, еле дыша,
Словно бабочка — нежная совка, —
Ко мне жмётся родная душа.

* * *

*Как хорошо, что этот мир — ничей...
Алексей Решетов*

Я пробуждался, понимая, мир — ничей,
И солнце в светозарном карауле
Ко мне прислало тысячи лучей —
Так было утром, в радужном июле,
Когда гулял по полю суховей.

И не было росы, и мир ещё был сух,
И было всё вокруг теплом увито,
И от стогов, неубранного жита
Ко мне и небу возносился дух,
Освобождая от назойливого быта.

И утро возрастало тихо-тихо,
И мне казалось: есть ещё миры...
О них вдали злословят комары,
Которых соблазняет комариха
Укусами шумливой детворы.

г. Москва

ДМИТРИЙ ТЕРЕНТЬЕВ

* * *

Мне всего двенадцать. Я у печки
Согреваюсь сам и грею дом.
Я ещё беззлобен и беспечен,
И в душе порядок соблюдён.

За стеной, уставши от прополки,
Бабушка, как чайник, захрапит.
Кошка наша что-то скинет с полки.
Дерево в подтопке затрещит.

За окошком зарычит машина,
Как охотящийся зверь ночной.
В подполе раздастся писк мышиный.
Ветер запоёт в трубе печной.

Удивлённый этим многозвучьем,
Затаив дыхание, сижу
Я, как дым, прозрачный и текучий,
На огонь за дверкой погляжу...

Будто я в лесу холодной ночью
Обнимаю маленький костёр.
Темнота вокруг меня стрекочет.
Тень тревоги прошлого растёт.

Будто я опять сижу у печки,
Обогреть пытаюсь целый мир.
Кто-то говорит, что время лечит.
Вряд ли.
Время учит быть людьми.

* * *

Пришёл апрель. “Достать чернил и плакать”.
То дождь, то снег, то прочая х...ня.
Ночами ветер воет, как собака,
Не жравшая, как минимум, три дня.

Ползёт с завода перегар матросский,
Хотя никто не бросил якоря.
У разливайки весело и броско
Бухают корабели-слесаря.

Я здесь не лишний, всё же не задаром
Два года на заводе оттрубил.
И “шило” пил, и смачным перегаром
Начальству бесталанному грубил.

Поставлю литру, каждый рад на шару
Хоть уксус выпить. Я и сам в бреду...
На Мызе пил, в Автазе, на Ошаре,
Но в Сормове родном — особый дух.

Сомкнулся круг, как рыцари Артура,
С мечом полукопчёной колбасы
Мы поднимаем кубки молча, хмуро,
Частим и впредь не смотрим на часы.

К чертям манеры, этикет и моду.
Здесь те, кого лавина чувств несёт.
Уж если ненавидят — чистят морду,
А если любят, то прощают всё.

Похоже, оттого Сергей Есенин,
Душевной болью маясь, кое-как
Спешил промозглым вечером осенним
Не к психотерапевту, а в кабаки.

г. Нижний Новгород

ОЛЬГА КОЗЛОВЦЕВА

ДЕРЕВНЯ РУССКАЯ

Иду босая,
Простоволосая.
Трава густая
Помята росами.
Куда ни гляну —
Калины всполохи,
А за бурьяном —
Кусты черёмухи.
Моя родная
Деревня русская,
Ты что ж такая
Сегодня грустная?
Совсем пустая,
Людьми забытая.
На окнах ставни,
Крестом забитые.
Нависли крыши
На избы серые.
На ветках вишни
Чернеют спелые.
А на деревьях —
Вороны стаями.
Свою деревню
Мы им оставили.

г. Рязск

МАРИНА ЗАРУБИНА

* * *

Происходи!
Происходи
Во мне, со мною, надо мною,
Другими ритмами в груди,
Неуправляемой волною.

Будь невесом или весом —
Дыши свободно и упруго.
Вращайся быстрым колесом,
Веретенном, гончарным кругом.

Неслышно замедляя ход,
Упрямо набирая снова,
Встречай неласковый восход
По-северному тёплым словом.

Из ниоткуда в никуда
Происходи,
Не помещайся,
Переливайся, как вода,
Но и тогда
Не прекращайся.

РЕКИ

Реки свободны, мыслями глубоки.
Реки — начала, истины родники.
В чистые воды наш принимая хлам,
Делят равнины жизни напополам.
Тянутся руслами в светлое далеко
Сцеживать памяти тёплое молоко,
Литься туманами в сказочную тайгу.
Мы — остаёмся.
Мы — камни на берегу.

г. Архангельск

СЕРГЕЙ ХОМУТОВ

* * *

Бабье лето, прощальное буйство крапивы
Вдоль протяжных заборов окраины милой...
Эти дни, как всегда, необычно красивы,
Бродят чувства и мысли возвышенной силой.

Золотая пора не по цвету — по духу,
По стремленью жить лишь одною любовью...
Отдавайся дыханию, зрению, слуху,
Не сходя к пустословию и многословию.

Не теряй, не губи для себя ни мгновенья,
Все земные дары остаются с тобою:
Звоны яблоч, последних цветов откровенья,
И капустных рядков многоточье тугое.

г. Рыбинск

АНАСТАСИЯ УСТИНОВА

ЛИСТЬЯ

Листья наземь опадали,
Под ногой у нас шурша.
Мы тогда ещё не знали,
Что у листьев есть душа.

И шептались, и шуршали,
И, тоскуя о тепле,
Каждой жилкой припадали
К милой матушке-земле.

Только мать-земля не знала,
Как спасти от ветра их.
Жгучий ветер умоляла,
Чтоб скорее он затих.

Ну, а ветер непокорный,
Не желая ей помочь,
Деловито и упорно
Гнал листву из парка прочь.

* * *

Валентину Устинову

Есть новости — от них спасенья нет...
Ты навсегда ушёл... И лёгкий пепел
Всех недокуренных тобою сигарет
С небес, как снег, летит, крылат и светел.

О чём мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?
Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе

За то, что был ты от меня далёк,
За то, что ты не знал мои печали,
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.

И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

г. Новокуйбышевск

ЛАРИНА ФЕДОТОВА

МОЛИТВА И ПОЭЗИЯ

Поэзия грезилла лучшею долей,
А что ей досталось от рыночных дел?
Осталась она с бесприютною волей,
А разве поэт быть ненужным хотел?

Поэты отпеты без слов, без поминок,
И мусорных слов зарубежных полно.
А кинули нас государство и рынок,
Мы есть ещё, живы, а им всё равно.

Кругом неприкаянность, долго ль ей длиться?
Лишь о выживанье печётся народ.
Осталось прозреть лишь и долго молиться,
Молитва и вход нам, и выход найдёт.

ГДЕ ПРИМИРЕНИЕ?

Вот дожила до бездонного края,
Раньше понять бы:
А кто я такая?
Что я виляю от белых до красных,
Очень стремительных,
Даже опасных?

Что убегая от красных до белых,
Русь потерявших,
А вроде бы смелых?
Что я шатаюсь, как в поле былинка,
И разделяюсь на две половинки?

Только душа-то одна,
Да и тело
Тоже пристанища мирно хотело.
Сколько плутать и шарахаться всё же?
Где примирение?
Господи Боже...

* * *

Над речкою туман клубится, словно ладан,
Кругом природный рай да Божья благодать.
Россия — это сон, который не разгадан,
Проснуться надо, чтобы разгадать.

г. Псков